

с. 1.

Изъ дневника публициста.

LXV.

Нашъ народъ у Чехова.

Итакъ, сегодня прежде всего о Варварѣ Николаевѣ.

«Едва она поселилась въ компаніи въ верхнемъ этажѣ, какъ все просвѣтлѣло въ домѣ, точно во всѣ окна были вставлены новые стекла. Засвѣтились лампы, столы покрылись бѣлыми какъ свѣтъ скатертями, на окнахъ и въ палисадникѣ показались цвѣты съ красными глазками и ужъ за обѣдомъ ѣли не изъ одной миски, а передъ каждымъ ставилась тарелка. Варвара Николаевна улыбалась пріятно и ласково и, казалось, что въ домѣ все улыбается. И во дворѣ, чего раньше никогда не было, стали заходить нищие, странники, богомолки; слышались подъ окнами жалобные, пѣвучіе голоса убогихъ бабъ и виноватый кашель слабыхъ, испитыхъ мужиковъ, уволенныхъ съ фабрики за пьянство. Варвара помогала деньгами, хлѣбомъ, старой одеждой, а потомъ, обжившись, стала потаскивать и изъ лавки, на что было и разрѣшеніе Цыбукина.

«Въ томъ что она подавала милостыню было что-то новое, что-то веселое и легкое, какъ въ лампадахъ и красныхъ цвѣточкахъ. Когда въ табельные дни въ престольный праздникъ, который продолжался три дня, сбывали мужикамъ протухлую солонину съ такими тяжелыми запахами, что трудно было стоять около бочки, и принимали отъ пьяныхъ въ закладъ косы, шапки, женныя платки, когда въ грязь валялись фабричные, одурманенные плохой водкой, и грѣхъ, казалось, сгустившись уже туманомъ, стоялъ въ воздухѣ, тогда становилось какъ-то легче при мысли, что тамъ, въ домѣ есть тихая опрятная женщина, которой вѣтъ дѣла ни до солонины, ни до водки; милостыня ея дѣйствовала въ эти тягостные, туманные дни, какъ предохранительный клапанъ въ машинѣ»...

Этой короткой выдержки достаточно, чтобы сразу составить себѣ понятіе о Варварѣ Николаевѣ. Прежде всего вы видите, что она не солидарна ни съ му-

жикъ, ни съ Акулией, ни съ отвошеніемъ къ мужику не разделяетъ и во всякомъ случаѣ — ни въ не слѣдуетъ. Вы видите, что эта женщина добра и принадлежитъ съ чистотой къ самому присутствію которыхъ облекаетъ окружающую ихъ черноту.

И чувство къ ней Цыбукина не того экономического характера, которымъ — какъ мы уже видѣли — окрашена любовь къ Акулиѣ, а болѣе высшего разряда. Но любовь къ Варварѣ и не вполне нравственная. Нѣтъ, Цыбукинъ любитъ ее не безотносительно, какъ Варвару Николаевну, а прежде всего какъ элементъ украшения, благообразія, какъ нѣчто пріятное. Слѣдовательно, это любовь эстетическая и, несомнѣнно, Цыбукину, его нравственной обрисовкѣ, она сообщаетъ извѣстное положительное качество... Цыбукинъ цѣнилъ ее облагораживающее вліяніе и, когда Степанъ сообщилъ ему, что Варвара сама завела въ лавкѣ двѣ осьмушки чаю, то онъ не разыгралъ никакой сцены, столь обычной въ такомъ случаѣ среди стараго кулачества, а наоборотъ — пришелъ къ ней и подтвердилъ, что если ей что надо, то чтобы она брала и не сомнѣвалась... Этотъ Цыбукинъ какъ-бы откупался за все то, что дѣлалъ самъ съ Акулией... Да и не только Цыбукинъ видѣлъ въ Варварѣ Николаевнѣ предохранительный клапанъ машинны, а и всѣ окружающіе. По иному безличному выраженію: «становилось легче». Слѣдовательно — всѣмъ. Варварѣ болѣе Цыбукинское хозяйничанье и вотъ что она говоритъ о немъ пришедшему прощаться съ ней передъ отъѣздомъ Акулины.

— «Живемъ мы хорошо, всего у насъ много, и свадьбу твою сыграли порядкомъ, правильно: старики сказывали: двѣ тысячи пошло. Одно слово, живемъ, какъ кунцы, только вотъ скучно у насъ. Ужъ очень народъ обижаетъ. Сердце мое болитъ, дружокъ, обижаетъ какъ — и Боже мой! Лошадь-ли и инекъ, покупаютъ-ли что, работница-ли навиваетъ — на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ. Постное масло въ лавкѣ горькое, тухлое, у людей денегъ лучше; да нешто, скажи на милость, нельзя хорошихъ маселъ торговать?

— Кто къ чему приставляетъ, мамаша.

— Да, вѣдь, умирать надо? Ой-ой, право, поговорилъ бы ты съ отцомъ...

— А вы бы сами поговорили.

— Ну! Я ему свое, а онъ мнѣ, какъ ты, въ одно слово: кто къ чему приставляетъ. На томъ свѣтѣ такъ тебѣ а ставутъ разбираться, кто къ чему приставляетъ. У Бога судъ праведный».

Но видите съ тѣмъ вы видите, что это человекъ, не могущій отказаться отъ такой жизни. Какъ читатель, вѣроятно, помнить по предыдущему фельетону, гдѣ была выдержана беседа Варвары съ Липой, идеалъ ея—купецъ. Это, по ея мнѣнію, свѣтлое будущее она пророчила и своему внуку, этого же положенія добивалась и добилась для себя и своей семьи. И жаляется она не на обиду народа вообще, а на ужъ очень большую, т. е. какъ будто если бы обижали поменьше, то это вполне соответствовало бы ея требованіямъ... Она прекрасно видитъ способы, которыми получается окружающее благосостояніе, но не отказывается, однако, отъ варенья, которымъ, по словамъ Липы, такъ богато хозяйство Варвары Николаевны... Словомъ, это человекъ, видящій ненормальность своей жизни, но не могущій отъ нея отказаться, не желающій въ корнѣ измѣнить жизнь близкихъ родственниковъ. Вспомните, какая громадная разница между самочувствіемъ Липы и Варвары Николаевны: первой въ обстановкѣ цыбукинскаго міра было страшно, второй только скучно... Первая его не вынесла и ушла, вторая выносить, хоть, правда, постоянно его подремниваетъ, прикрашиваетъ, завиваетъ...

Посмотрите, какъ коротко, но мастерски сопоставилъ Чеховъ два чувства, испытываемыя во время торжественнаго свадебнаго пира Анисима и Липы Варварой Николаевной и народомъ.

„Варвара ходила вокругъ стола, угощая гостей, утомленная, растерянная, и видимо была довольна, что такъ много кушаній и все такъ богато,—никто не осудить теперь. Зашло солнце, а обѣдъ продолжался; уже не понимали, что ѣли, что пили, нельзя было разслышать, что говорятъ, и только нарядка, когда затихала музыка, ясно было слышно, какъ на дворѣ кричала какая-то баба:

— Насосались нашей крови, нроды, нѣтъ на васъ погибели!..“

Какой это мастерской штрихъ!.. Варварѣ Николаевнѣ только пріятно все это довольство, у бабы, съ которой оно и нажито—срывается проклятіе!..

Вполнѣ понятенъ поэтому конецъ повѣсти, онъ никого не удивляетъ. Въ то время, какъ Липа выгнана вонъ Аксиньей, а старикъ Цыбукинъ ходитъ голоднымъ по три дня и питается подавнѣемъ той же Липы, Варвара еще больше полила и бѣла и по прежнему творила добрыя дѣла. Аксинья не мѣшала ей. Варенья те-

перь было такъ много, что его не успѣвали съѣдать до новыхъ ягодъ, оно засахаривалось, и Варвара совсѣмъ терялась и не знала, что съ нимъ дѣлать...

Вотъ, читатель, передъ вами группа деревенскихъ типовъ: Цыбукинъ, Аксинья, Липа, Варвара, Костыль.

Всѣ эти разнообразныя фигуры вырисовываются на фонѣ того страшнаго зла, съ которымъ сопряжено образованіе новаго темнаго царства, новаго кулака.

И присмотритесь къ этому царству: въ немъ всѣ страдаютъ, въ немъ всѣмъ не сладко — вотъ гдѣ мука и тяжесть, испытываемыя вами при чтеніи талантливой повѣсти.

Прежде всего пострадалъ и страдаетъ самъ старикъ Цыбукинъ. Пожалуй, найдутся и такіе изъ читателей, которые съ полнымъ убѣжденіемъ своей правоты скажутъ: „по—дѣломъ вору и мука“. Но справедливъ ли этотъ строгій безчеловѣчный приговоръ именно по отношенію къ Цыбукину? Нѣтъ ли какихъ-нибудь смягчающихъ его вину обстоятельствъ? По моему, есть и очень вѣскія. Прежде всего, Цыбукинъ воръ несознательный, во-вторыхъ, онъ не извергъ рода человѣческаго, что вполне ясно изъ его любви къ дѣтямъ, къ семьѣ; затѣмъ, видѣ мы видѣли, что онъ ни однимъ словомъ не запретилъ Варварѣ помогать всѣмъ, какъ она хочетъ. Согласитесь что этого уже достаточно для частичнаго оправданія. Если же вы, кромѣ того, впикните въ глубину его міросозерцанія, проанализируйте именно его точкой зрѣнія, то, несомнѣнно, увидите, что съ высоты убѣжденія: „кто къ чему приставленъ“ вы не замѣтите многихъ грѣховъ, совершенно ясно различаемыхъ вами съ точки зрѣнія болѣе возвышенной. Съ высоты міросозерцанія Цыбукина многое сливается съ горизонтомъ... Я уже не говорю, что сама по себѣ мука Цыбукина довольно — таки безтолкова. Кому отъ нея стало лучше и легче? Аксиньѣ? Но развѣ ее не ждетъ современемъ цыбукинскій конецъ? Развѣ она не кандидатъ на его долю? Ну, если не Аксинья, то ужъ тогда ровно никому включительно до деревенскаго мужика, потому что старикъ все-таки былъ мягче Аксиньи, сердечнѣе...

Пострадала Липа. Ея страданія, разумеется, совершенно противоположнаго характера, во все же какъ разъ на почвѣ дефектовъ цыбукинскаго міра. Ее душа болитъ отъ нѣтъ и тоже въ данный моментъ невылѣчиво...

Страдаетъ и Варвара, но нѣсколько ина-

че, страдает не лица лечения, как-то ту-по страдает.

Страдает Костыль... Словомъ всё, страдают.

И когда вы начинаете вдумываться въ общую причину этихъ страданій, то она вамъ совершенно ясна: во всемъ виноваты тотъ врагъ, та низина нравственнаго и умственнаго состоянія, которое переживаютъ уклеевцы, та легкость внутренняго багажа, съ которымъ они пустились въ путь по жизненной дорогѣ. Следовательно, способъ борьбы съ этимъ нравственнымъ и умственнымъ убожествомъ тоже ясенъ—нужно всѣми силами содѣйствовать подъему народной массы. Можно-ли такое сознаніе, являющееся суммированнымъ впечатлѣніемъ отъ повѣсти, называть разрушающимъ пессимизмомъ? Полагаю, что нѣтъ. Напротивъ, разъ угнетающая васъ мысль находитъ выходъ, разъ есть средство борьбы съ, казалось бы, могучимъ врагомъ—это уже не отчаяніе, не опусканіе рукъ. Дѣйствительно, произведенія Чехова наводятъ на васъ подчасъ невыразимый ужасъ, пугаютъ васъ массою самыхъ горькихъ перспективъ, но они не поселяютъ въ васъ убѣжденіе, что теперь ужъ ничего не подѣлаешь, надо все предоставить теченію судьбы. Нѣтъ, наоборотъ, Чеховъ совершенно ясно ставитъ діагнозъ и сейчасъ же говоритъ: вспомни, что положеніе больного опасно, даже черезчуръ, но не безнадежно. Быстро, энергично берись за дѣло—и ты спасешь его!

Вотъ великое значеніе повѣсти, вотъ и объясненіе моей съ вами, читатель, очень продолжительной о ней бесѣды.

Наша печать непростительно мало сказала объ этомъ послѣднемъ произведеніи Чехова и это ея большая ошибка. Наша литература такъ бѣдна, что подобныя вещи должны обращать на себя всеобщее вниманіе. Публицистическая печать должна считать такіе вещи опорными пунктами своихъ работъ и основательно останавливаться на нихъ. Изъ всего высказаннаго о повѣсти вообще я нахожу особенно удачной слѣдующую мысль Меншикова—публициста „Недѣли“. Хотя мнѣ уже не одинъ разъ приходилось говорить по поводу своего съ нимъ несогласія по различнымъ вопросамъ, но я считаю безусловно полезнымъ познакомить читателя съ его мнѣніемъ о Чеховѣ вообще.

„Слѣдовало бы ввести тщательное чтеніе такихъ авторовъ, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, Чеховъ, въ курсъ каждой серьезной школы. Особен-

но можно рекомендовать изученіе Чехова государственными людьми. Чтобы знать столь важный для нихъ предметъ, какъ жизнь народная, — нужно, конечно, пожить среди народа въ одной изъ стѣнъ, около одной съ нимъ печки. Но и этого мало. Надо свой матеріалъ наблюдать, сорганизовать съ чьей-нибудь болѣе чуткой, болѣе тонкой впечатлительностью, нужно, чтобы по вашей грубой картинѣ прошла чья-нибудь артистическая рука. Только искусству, только художественному таланту доступна истина, только онъ способенъ уловить истинный смыслъ природы.“) Штобъ значеніе такихъ вещей, какъ чеховскія повѣсти изъ народной жизни, прямо неощущаемо. Это не тѣ картинки, которыя можно поглядѣть и забытъ, онѣ написаны не для забавы! Чеховскія деревенскія повѣсти это, помимо обязательной красоты ихъ—въ сущности научныя диссертациі, очень строгія народно-бытовыя изслѣдованія. Если хотите, это періодически появляющіеся глубоко обдуманые доклады русскому обществу о современномъ состояніи деревни, о томъ, что всего важнѣе и интереснѣе въ ея жизни. Немногочисленныя страницы этихъ художественныхъ трудовъ полны драгоценныхъ наблюденій надъ самыми основными, едва уловимыми тонкостями вліянія народнаго духа. То, что эта удивительная по точности работа выполнена писателемъ, громадный талантъ котораго позволяетъ намъ не только слышать о жизни, но и видѣть ее—представляетъ выгоду, независимую ничѣмъ“.

Хотя и тутъ есть положенія, съ которыми нельзя согласиться, напримѣръ: любимое меншиковское противоположеніе науки искусству, которое давно пора бы сдать въ архивъ,—но во всякомъ случаѣ, повторяю, въ общенъ мысль о значеніи Чехова безусловно вѣрная.

Теперь, читатель, мы какъ нибудь въ будущемъ займемся разсмотрѣніемъ „Мужика“ Горькаго и тогда, несомнѣнно, уяснимъ себѣ многое въ области народной литературы. Но, этому надо время, а вашему покорнѣйшему слугѣ—продолжительный канікулярный отдыхъ.

ЛЕМЪС.

*) Курсивъ мой.